

Т.С. Лыткина, В.В. Фаузер

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИЕЙ
КАК СПОСОБ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ В 1930–1950-е гг.***

В статье на примере Республики Коми представлен авторский анализ принудительной миграции в советский период колонизации Севера с 1930-х до середины 1950-х гг. Информационной базой послужили источники, способствующие реконструкции советского прошлого в период сталинских репрессий. Основной тезис заключается в том, что принудительная миграция хотя и сыграла решающую роль в становлении экономики советского государства, но ее последствия в целом для страны и современной России оказались не столь однозначны. Реализация государственных приоритетов в освоении Севера осуществлялась без учета интересов отправляющей / принимающей сторон, возможностей размещения людей и создания элементарных социально-бытовых условий для работы и жизни вынужденных мигрантов. Авторы еще раз подтвердили выводы, сделанные исследователями ранее: характер и интенсивность миграции населения зависели от степени вмешательства государства. Однако динамика движения работников подневольного труда на территорию республики была неустойчивой и постоянно менялась, что свидетельствует об имевшихся противоречиях, «сбоях» и непоследовательности централизованного планирования проводимой политики.

В то же время доказывается, что массово используя дешевый труд репрессированных и принудительно перемещенных людей, советское государство оказалось в ловушке экстенсивной организации производства, основанной на привлечении труда подневольных рабочих и неизбежно предполагающей регулярные запросы на рабочую силу в обмен на реализа-

---

* Авторы выражают глубокую признательность за комментарии, замечания и дружескую поддержку в написании статьи Н. Игнатовой, И. Панариной, М. Рогачеву, Г. Фаузер, С. Ярошенко.

Лыткина Татьяна Степановна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Коми научный центр Уральского отделения РАН (tlytkina@yandex.ru)

Tatyana Lytkina — Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (tlytkina@yandex.ru)

Фаузер Виктор Вильгельмович — доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Коми научный центр Уральского отделения РАН (fauzer@iespn.komisc.ru; <http://vfvfauzer.ru>).

Victor Fauzer — Doctor of Economics, Professor, Head of Department, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (fauzer@iespn.komisc.ru; <http://vfvfauzer.ru>).

цию государственных планов. Именно в этот период закладываются основания переговорного характера отношений «Центр» и «Регион», формирующие «производственную анархию» на местах и неэффективную экономику страны. Безусловно, использование труда подневольных людей определило экономическое развитие республики. Республика стала идеальным регионом для поставки необходимых природных ресурсов стране, но одновременно — ее сырьевым придатком. Республика Коми как субъект российского государства не получила возможности сформулировать собственный интерес в развитии территории. Более того, несмотря на то, что освоение территории методами государственной мобилизации проводилось болезненно как для принудительных мигрантов, так и для местных жителей, вклад последних остается недооцененным. В современных условиях это привело к деформации социальных отношений, отсутствию опыта формирования, представления и продвижения общего интереса жителей республики. Наконец, принудительная миграция и массовые сталинские репрессии легли в основу формирования имиджа России как агрессивной страны.

Ключевые слова: принудительная миграция, сталинские репрессии, освоение Севера, заключенные, спецпереселенцы, ссыльные.

Методологические рамки исследования

Наш исследовательский интерес направлен на осмысление опыта колонизации российского Севера посредством принудительной миграции с начала 1930-х до середины 1950-х гг. В статье проведен анализ элементов государственного управления миграцией населения: целей, приоритетных направлений, методов и последствий для развития экономики страны в период 30-50-х гг. прошлого столетия. В фокусе нашего внимания Республика Коми, расположенная на северо-востоке Европейской части Российской Федерации. На начало XX в. территория была слабо заселена. В 1897 г. здесь проживало 170,7 тыс. чел., преимущественно жители сел — 97 %, городские жители составляли 3 %. Средняя плотность населения составляла 0,5 чел. на кв. км. В начале 2015 г. проживает 864,4 тыс. населения, что в пять раз больше, чем в конце XIX в, но на 22 % меньше, чем в 1990 г. Республика Коми относится к тем территориям, которые до середины 1950-х гг. принимали миграционные потоки, сформированные под воздействием государственных репрессий, а с 1990-е гг., напротив, начали испытывать отток населения, что вызвало необходимость разработки программ переселения*.

---

* Указ Президента Российской Федерации от 3.09.1992 г. № 122 «О мерах по ускорению строительства на территории Российской Федерации жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», Постановление Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 10.12.1993 г. № 1278 «Об утверждении Положения о предоставлении гражданам Российской Федерации, нуждающимся в улучшении жилищных условий, безвозмездных субсидий на строительство или приобретение жилья», разработана Регио-

Мы определяем временные границы колонизации Севера началом 1930-х гг., хотя ряд процессов, вызвавших принудительную миграцию, начался ранее, в 1920-х гг. Действительно, массовому переселению населения предшествовали масштабные исследования минерального сырья, начатые в начале 1920-х гг. Кроме того, предложения организовать концентрационный лагерь на р. Ухта на 10–20 тыс. чел. выдвигались уже в 1921 г. (Идущие впереди 2014: 41). В 1923 г. в СССР насчитывалось 702 исправительных учреждения: концлагеря, исправдома, тюрьмы, сельскохозяйственные поселения и дома заключения. В них содержалось 140 тыс. чел. * (Игнатова 2009: 27). Однако реальное воплощение принудительной политики освоения Севера начинается позже. Только в августе 1929 г. в Республику Коми прибыла первая партия заключенных и специалистов в качестве Ухтинской экспедиции Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) с грузами продовольствия и оборудования. И с начала 1930-х гг. начинаются массовые репрессии населения по политическим, национальным и классовым основаниям.

Основное внимание в статье сосредоточено на анализе архивных данных и специализированной исторической литературы, посвященной проблемам освоения Севера в целом и Республики Коми в частности, в период с начала 1930-х до середины 1950-х гг. ГУЛАГовская проблематика активно разрабатывалась историками республики. Их публикации удачно сочетают материалы научного, мемориального и документального характера. Исследователями проделана серьезная работа по систематизации архивных данных, свидетельствующих о масштабах принудительной миграции и составе прибывающего населения, этапах массового раскулачивания, условиях проживания и работы лиц подневольного труда в Республике Коми (Спецпоселки в Коми... 1997; Игнатова 2009, Максимова 1998; Морозов 1997; Рогачев 1990; Шабалова 1990 и др.). Благодаря данным, приведенным в этих работах, ученым удалось реконструировать историю региональной сети исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений, определить их роль в социально-экономическом развитии республики, составить поименные списки репрессированных, отбывавших срок наказания в Коми АССР (Упадышев 2009). Не меньший интерес для нас представляют работы М.Ф. Бугая (Бугай 2012), В.А. Бердинских (Бердинских 2005), С.А. Красильникова (Красильников 2003), В.И. Коротаяева (Коротаяев 2004; 2012), В.И. Меньковского (Меньковский и др. 2013), А.Б. Сулова (Сулов

нальная программа «Переселения граждан Республики Коми» в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.1995г. № 700 «О федеральной целевой программе «Строительство на территории Российской Федерации жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» и т. д.

* История их создания связана с организацией в первые годы советской власти сначала концентрационных лагерей (мест массового заключения с крайне жестокими условиями содержания политзаключенных, лиц, лишенных свободы по национальному признаку, военнопленных и т. д.), а затем лагерей принудительных работ, особое место среди которых занимал Соловецкий лагерь особого назначения, по образцу которого создавалась советская лагерная система (Упадышев 2009: 21).

2004) и многих других ученых, изучавших политические последствия террора, природу и механизм репрессий, формы крестьянских протестов, масштабы использования принудительного труда. Однако мы согласны с В.И. Коротаевым, что вопросу влияния массовых репрессий и принудительной миграции на коренное население принимающих территорий до сих пор уделяется мало внимания (Коротаев 2012).

Наше исследование ограничено Республикой Коми. Данное решение обусловлено рядом причин. Республика Коми (как и любая другая территория российского Севера) имеет свой опыт модернизации экономической деятельности, предшествовавший насильственному переселению (см. подробнее: Коротаев 2012). Тем не менее, именно Республика Коми стала одним из наиболее крупных в стране «островов» системы ГУЛАГа и той территорией, которая приняла на себя масштабные потоки подневольно переселенных и репрессированных (Упадышев 2009). Республика является ареалом проживания коренного населения — коми. Если до начала принудительных миграций они составляли большинство населения, то в ходе экстенсивного освоения края силами спецпереселенцев, ссыльных и заключенных, коми оказались меньшинством. Это следствие внешней миграции пока недостаточно изучено и крайне редко учитывается при оценке сталинских репрессий. Следует также отметить, что для лучшего понимания современных процессов в России важна не только общая реконструкция противоречивого советского прошлого, но и детальное изучение специфических его проявлений в пространстве и времени. Например, процессы коллективизации на Юге и на Севере России, несмотря на одинаково болезненную реакцию всех крестьян, протекали по-разному, хотя бы потому, что северные крестьяне в результате сталинских репрессий оставались в границах своего края. Сегодня эти регионы по-разному (вос)производят принципы социальной организации (Лыткина 2008). Но даже внутри республики образ и уровень жизни резко различаются в зависимости от места проживания, специализации экономики городов и районов. Таким образом, только при последовательном изучении исторической динамики развития каждого территориального сообщества возможна реконструкция советского прошлого.

Все представленные в статье статистические данные за рассматриваемый период времени приводятся в пределах, сопоставимых с границами современной территории Республики Коми. При сборе статистики мы столкнулись с проблемой отсутствия информации о текущей численности населения до 1959 г. (Комистат такими данными не располагает), поэтому мы систематизировали и обобщили опубликованные историками архивные данные о численности населения с учетом заключенных, спецпереселенцев и ссыльных для того, чтобы показать масштабы принудительной миграции.

Под принудительной миграцией мы понимаем перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем прямого или косвенного принуждения. В первом случае мы имеем дело с репрессивным (карательным) характером воздействия государства на гражданина (или иноподданного), во втором — с целенаправленным административным давлением на его волеизъявление (Полян 2001). Если признано, что советское государство не является ни первооткрывателем, ни моно-

полистом в области принудительной миграции* , то масштабы репрессий обычно приписываются именно ему, несмотря на противоречивость и очевидную преувеличенность статистических данных, приводимых некоторыми исследователями**.

Наша задача — не столько оценить масштабы репрессий, сколько проанализировать результаты и последствия принудительной миграции для страны и принимающих территорий. *Основной тезис**** заключается в том, что принудительная миграция, хотя и сыграла решающую роль в становлении экономики советского государства, но последствия в целом для страны и современной России оказались не столь однозначны. Необходимость освоения Российского Севера через принудительную миграцию была обусловлена экономическими, политическими и идеологическими интересами государства без учета интересов отправляющей / принимающей сторон, возможностей размещения людей и создания элементарных социально-бытовых условий для работы и жизни вынужденных мигрантов. Характер и интенсивность миграции населения зависели от степени вмешательства государства, однако в целом динамика движения работников подневольного труда на территории республики была неустойчивой и постоянно менялась, что свидетельствует об имеющихся противоречиях, «сбоях» и непоследовательности централизованного планирования проводимой политики.

В то же время авторами доказывается, что в массовом порядке используя дешевый труд репрессированных и принудительно переселенных людей, советское государство оказалось в ловушке экстенсивной организации производства, основанной на привлечении труда подневольных рабочих и неизбежно предполагающей очередные (регулярные) запросы на рабочую силу в обмен на реализацию государственных планов. Именно в этот период закладываются основания переговорного характера отношений «Центр» и «Регион», формирующие «производственную анархию» на местах и неэффективную экономику страны. Безусловно, использование труда подневольных людей определило экономическое развитие республики. Она стала идеальным регионом для поставки необходимых природных ресурсов стране, но одновременно — ее сырьевым придатком. Республика Коми как субъект российского государства не получила возможности сформулировать свой собственный интерес в развитии территории. Более того, несмотря на то, что освоение территории методами насильственной государственной мобилизации проводилось болезненно как для

---

* В частности, Европейский Север начал использоваться в качестве места ссылки еще в XVII в. (Мацук 1990: 43).

** Так, В.Н. Земсков утверждает, что, согласно официальным источникам, число осужденных за контрреволюционные преступления составляет 3 777 380 чел., за другие особо опасные государственные преступления 282 926 чел. Всего 4 060 306 чел. (Земсков 1990).

*** Статья написана в рамках проектов «Миграционные процессы на Российском Севере: между ассимиляцией и мультикультурализмом» (№ 15-19-7-2) и «Города российской Арктики: среда жизнедеятельности и механизм обеспечения хозяйствующих субъектов человеческими ресурсами» (№ 15-15-7-8).

принудительных мигрантов*, так и для местных жителей, вклад последних остается недооцененным. В современных условиях это привело к деформации социальных отношений, отсутствию опыта формирования, представления и продвижения общего интереса жителями республики. Наконец, принудительная миграция и массовые сталинские репрессии легли в основу формирования имиджа России как агрессивной страны.

Мобилизация советским государством трудовых ресурсов для строительства социализма

По мнению исследователя В.М. Кирилова, принудительная миграция, помимо привлечения трудовых ресурсов и решения экономических задач, также преследовала политические и идеологические цели и характеризовалась строго прагматическим характером (Кириллов 1999: 59). На наш взгляд, существовали, по меньшей мере, две причины колонизации Севера России в XX в. Во-первых, это ограниченные возможности привлечения ресурсов извне для восстановления экономики после окончания Гражданской войны. В ситуации настороженного отношения к социалистическому эксперименту со стороны правительств других стран трудно было ожидать от них реальной поддержки. В свою очередь, советское правительство в не меньшей степени опасалось внешнего вмешательства и угроз реставрации прежнего строя. Поэтому для ликвидации разрухи и выхода страны из экономического кризиса советскому государству в период его становления понадобились надежные источники сырья, расположенные как можно дальше от западных границ страны, но близко к его промышленному центру. Отсюда приоритетной становится задача рассредоточения промышленности по стране в зависимости от специфики имеющихся на ее территории ресурсов.

По разнообразию и объемам природных ресурсов Север России занимает особое положение. Здесь сосредоточено: 80 % запасов всех полезных ископаемых России, в том числе: 93 % газа, 90 % алмазов и платиноидов, 83 % серебра, 72 % нефти и газового конденсата, 63 % золота, 43 % угля (Фаузер 2014). Стратегическое расположение Русского Севера обусловлено близостью к промышленному центру и отдаленностью от западных границ страны. Все это определяет Коми как одну из идеальных территорий для поставки природных ресурсов, необходимых для развития экономики страны. В запасах России ресурсы Республики Коми составляют: около 80 % кварцево-жильного сырья, титана — около 50 %, бокситов — 30 %, барита — 13 %, угля — 4,5 %, нефти — около 3 % (Ресурсы недр... 2015). Основные недостатки данной территории — суровые климатические условия и нехватка трудовых ресурсов.

---

* Принудительные мигранты отличаются от вынужденных мигрантов тем, что последние совершают передвижения в силу индивидуальных решений, в связи с ограниченными возможностями самореализации в профессиональной сфере, из-за недостаточно развитой социальной инфраструктуры, отсутствия перспектив развития территории. Принудительные мигранты, прежде всего, были лишены права выбора в передвижении, их миграция определялась насильственными мерами со стороны государства.

В то же время ставка на мобилизацию внутренних ресурсов обострила настоятельную потребность государства в том, чтобы советская власть была признана населением. Поэтому параллельно с решением проблем внешней безопасности, возрождения хозяйства страны разворачивается борьба с «классово чуждыми элементами», проводится политика «трудового перевоспитания бывших кулаков» и слома сопротивления крестьян в процессе реализации политики ускоренной индустриализации и массовой коллективизации. Форсированный вариант индустриализации в условиях внешнего давления и острого дефицита внутренних источников трудовых ресурсов, а также «очагового» сопротивления новой власти со стороны крестьян (считавшихся потенциальными союзниками пролетариата в классовой борьбе с буржуазией) внутри страны обусловил использование со стороны государства преимущественно мобилизационно-насильственных методов ее реализации. Сегодня существует также точка зрения, которая заключается в персонифицированной ответственности Сталина за отказ от любой формы внешней зависимости и опору в решении внутренних проблем страны исключительно на свои собственные силы путем массовых репрессий населения (Фицпатрик 2001; Меньковский 2013). Так или иначе, приоритетной задачей государства становится рассредоточение промышленности по стране в зависимости от специфики имеющихся на ее территории ресурсов. Но для нас важно, какие именно социальные группы населения и как были принуждены решать эти государственные задачи.

Анализируя сталинский период индустриализации, историки, как правило, выделяют два канала комплектации рабочих кадров в Коми крае: заключенные системы ГУЛАГа НКВД и спецпереселенцы и ссыльные. В послевоенный период появляется новый канал формирования рабочих кадров — оргнабор, свидетельствующий об изменении государственной политики в области привлечения трудовых ресурсов в республику и начале нового этапа социально-экономического развития территории. Остается малоизученным вопрос об участии местных жителей в индустриализации. Имеющуюся в нашем распоряжении информацию мы постарались использовать в данной статье, рассматривая сначала положение принудительных мигрантов, затем вольнонаемных работников и, наконец, коренного населения.

Динамика принудительного распределения трудовых ресурсов для ускоренного индустриального развития Севера

Если спецпереселенцев высылали массовыми партиями в административном порядке в отдаленные районы страны, то ссыльных — индивидуально и по решению суда (Игнатова 2009). Ссыльные имели судимость и несли административно-уголовное наказание, спецпереселенцы же имели неопределенный, «размытый» статус: были условно свободны, но при этом ограничены в праве передвижения. Последние состояли преимущественно из репрессированного крестьянства центральных и южных областей страны. К ним относились и те, кто был выслан по национальному признаку: советские немцы, крымские татары, чеченцы и многие другие. Численно развести спецпереселенцев и ссыльных оказалось невозможно. Проблема заключается не только в закрытости информации и ненадежности имеющихся статистических данных, но и в том, что

статус подневольных мигрантов постоянно менялся: ссыльных легко могли перевести в категорию переселенцев, а переселенцев в заключенные. Кроме того, численность лиц подневольного труда менялась в результате реорганизаций, ликвидации карательных структур или просто смены юридического названия при сохранении ими выполняемых функций.

Аналогичная ситуация была с заключенными. К числу заключенных относились политические — осужденные по политическим мотивам, «бытовики», т. е. преступники, судимые за бытовые преступления, и уголовники, т. е. представители организованной преступности. Развести количественно эти группы за рассматриваемый исторический период не представляется возможным. Сопоставление данных разных источников, используемых в данной статье, свидетельствует, что примерно треть заключенных составляли осужденные по политическим мотивам, но в разных лагерях эта группа количественно различалась. Так, например, в 1945 г. в составе вольнонаемных работников железнодорожной линии Кожва-Воркута из 3132 чел. 2089 имели судимость, из них 723 (35 %) были осуждены по политическим мотивам (История Коми... 2011: 442). Н.А. Морозов отмечает, что на 1 января 1954 г. в Устьвымлаге содержалось 17863 заключенных, в том числе политических — 4624 (26 %), уголовников — 4462 и прочих 8777 чел. (Морозов 1997: 173).

Между заключенными, переселенцами и ссыльными существовало распределение труда. Если заключенные исправительно-трудовых лагерей преимущественно осуществляли проведение геологических и геодезических работ, развивали угольную и нефтяную промышленности, вели дорожное строительство, то труд спецпереселенцев в основном использовался в лесной отрасли и отчасти в сельском хозяйстве*.

Возвращаясь к масштабам принудительной миграции, отметим, что среднесписочный состав заключенных в 1941 г. в республике насчитывал 249253 чел. В 1942 г. число заключенных снизилось и составляло 160933, а в 1943 г. происходит их двукратное сокращение — 74031. В 1944 г. мы вновь наблюдаем рост числа заключенных, продолжающийся до 1947 г. Если в 1944 г. число заключенных составляло 123129, то в 1945 г. уже 138823 чел., в 1946 г. — 205 тыс. чел., в 1947 г. — 212 тыс. чел. В период 1948–1954 гг. происходят постоянные колебания численности заключенных от 121 тыс. чел до 230 тыс. чел. В 1955 г. происходит резкое снижение заключенных до 95 тыс., а в 1959 г. их становится уже 7 тыс. чел. (История Коми... 2011: 496).

Первая крупная партия из числа спецпереселенцев, людей так называемой кулацкой ссылки, высланных в количестве 5 тыс. семей, прибыла в Коми в начале 1930 г.** (История Коми 2011: 334). В дальнейшем их число резко возросло, и на начало 1931 г. было уже более 40 тыс. спецпереселенцев. Процессы принудительной миграции получили продолжение. Всего в 1941 г. в республике находилось около 49 тыс. спецпереселенцев и ссыльных. В 1942 г. более 56 тыс. чел.,

---

* В то же время спецпереселенцы размещались не только в спецпоселках, подчиненных лесозаготовительным трестам, но и в лагерных пунктах, подчиненных лагерям ГУЛАГа (Игнатова 2009: 124).

** В 1930 г. было уже 23 спецпоселка.

в 1943 г. — около 44 тыс. чел., в 1944 г. — 38,9 тыс. чел. На 1 января 1945 г. — 19052 чел. (здесь и далее без учета советских немцев), в том числе 13977 «бывших кулаков» и 3172 члена ОУН и УПА (организации украинских националистов и украинской повстанческой армии). На 1 января 1949 г. — 31315 спецпереселенцев, в том числе 7102 «бывших кулака», 9219 «власовцев» и 4088 «оуновцев». В 1955 г. всего было 19018 спецпереселенцев, в 1957 г. — 4286, на 1 января 1959 г. — 2913 (История Коми 2011: 496). Общее представление о масштабах принудительной миграции можно получить из данных табл. 1.

Таблица 1

Динамика численности населения с учетом заключенных, спецпереселенцев и ссыльных в Республике Коми за 1929–1959 гг.

Год	Численность населения с учетом заключенных, спецпереселенцев и ссыльных, тыс. чел.	Численность спецпереселенцев и ссыльных, тыс. чел.	Удельный вес спецпереселенцев и ссыльных, %
1	2	3	4
1929	237,0	2,3	1,0
1930	272,5	30,9	11,3
1931	304,5	53,3	17,5
1932	326,1	68,0	20,9
1933	303,5	42,9	14,1
1934	300,2	37,9	12,6
1935	307,2	39,7	12,9
1936	Нет данных	42,9	Нет данных
1937	315,7	51,9	16,4
1938	Нет данных	143,1	Нет данных
1939	450,9	146,7	32,5
1940	509,4	207,0	40,6
1941	591,4	286,0	48,4
1942	493,1	200,1	40,6
1943	372,6	104,0	27,9
1944	408,2	149,7	36,7
1945	416,0	155,3	37,3
1946	532,4	229,7	43,1
1947	572,2	250,3	43,7
1948	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1949	632,4	286,2	45,3
1950	643,7	282,9	43,9
1951	633,4	241,3	38,1
1952	691,7	268,0	38,7

1	2	3	4
1953	615,1	144,9	23,6
1954	694,3	Нет данных	Нет данных
1955	695,6	123,4	17,7
1956	735,9	Нет данных	Нет данных
1957	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1958	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1959	822,5	8,3	1,0

Источники: (Игнатова 2009; История Коми 2011; Морозов 1997; Сквозников и др. 2001).

Поступление работников подневольного труда на территорию республики было неустойчивым и постоянно то уменьшалось, то увеличивалось, что свидетельствует о явных противоречиях проводимой политики. Последняя определялась специальными решениями государственного комитета обороны (ГКО) и Указами Президиума Верховного Совета СССР, а также директивными органами Коми АССР, которые неоднократно обращались в ЦК ВКП(б), СНК СССР, другие союзные наркоматы с просьбой о дополнительных завозах рабочей силы для реализации поставленных задач и спущенных сверху планов первых пятилеток. Эти задачи были сформулированы в таких документах, как постановление Президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) «О развитии топливной базы в Северном крае» (20 апреля 1931 г.), развернутое постановление Совета Труда и Оборона (СТО) «О развитии каменноугольной промышленности и о расширении геологических работ в бассейне р. Печоры» (27 марта 1932 г.) и др. Планы руководства не соответствовали возможностям региона, в результате республика постоянно нуждалась в дополнительных рабочих кадрах, но в то же время их недостаток являлся оправданием в случае невыполнения поставленных планов. Между регионом и Москвой велась активная переписка по согласованию вопросов о «поставке дополнительной рабочей силы».

Практические пределы реализации политики принуждения к труду

Несмотря на высокие темпы экономического развития территории в данный исторический период, принудительную миграцию вряд ли можно считать эффективным способом колонизации и последующего освоения Севера. Рост экономического развития был достигнут не за счет организационных (предполагающих оптимизацию численности работников и совершенствование трудового процесса), технологических (выражающихся во внедрении передовых технологий на производстве и приобретении новой техники) или социальных способов регулирования труда (создание необходимых условий труда), а за счет массового, примитивного и дешевого рабочего труда своих граждан, что особенно выпукло проявилось в сталинские 1930-е гг. — хотя *уже тогда* советские ученые активно предпринимали попытки внедрения рационализации труда на предприятиях (Дунаевский 2001; Витке 2001).

Поставленная задача колонизации Севера требовала значительных капитальных вложений, избежать которых советская власть намеревалась двумя способами: *принудительным завозом большого количества рабочей силы* и переводом подневольных труженников на *режим самообеспечения*. Предполагалось, что заключенные, спецпереселенцы, ссыльные своим трудом покроют затраты на свое содержание в местах лишения свободы. Иными словами, колонизация Севера проводилась за счет экстенсивного использования рабочей силы. Возвращаясь к вопросу об эффективности организации труда вынужденных мигрантов, следует отметить, что среди спецпереселенцев были старики, дети, беременные женщины, которые не могли полноценно участвовать в производственном процессе*. Кроме того, уже на пути в места переселения людей, ехавших в товарных вагонах, сопровождали голод, холод, грязь, нечистоты, вши, острые инфекционные заболевания (цинга, тиф, дифтерия, туберкулез).

Позже, в июне 1933 г. в материалах сплошного обследования спецпоселков Коми области, проведенного по решению Севкрайкома ВКП(б), было отмечено, что коммунальное строительство в ряде поселков находится в неудовлетворительном состоянии. В бараках отсутствуют двойные окна, стены, углы сделаны неплотно, печи разваливаются. Дома содержатся в антисанитарном состоянии. Продовольственное снабжение во всех поселках исключительно слабое. Вследствие этого происходит массовое употребление в пищу всевозможных суррогатов: гнилых деревьев, пихтовой коры, травы (Спецпоселки в Коми... 1997). Неудовлетворительные жилищные условия, отсутствие необходимого питания, одежды и обуви, должной медицинской помощи, скученность людей приводили к дальнейшему распространению острых инфекционных заболеваний и высокой смертности уже не только среди ссыльных и спецпереселенцев, но и среди местного населения. Все это вызывало снижение численности рабочей силы, что, в свою очередь, вело к постоянному невыполнению планов. Схожая ситуация была с заключенными, условия содержания которых в лагерях были жестче и к тому же сопровождалась физической расправой (расстрелами). Только в результате борьбы с троцкизмом с сентября по 20 декабря 1938 г. в Ухто-Ижемском исправительно-трудовом лагере было расстреляно 3000 чел. из числа лиц, уже отбывающих наказание.

В свою очередь, неудовлетворительные условия жизни спецпереселенцев и ссыльных провоцировали массовые побегии** и протестные настроения, выразившиеся в отказе от работы, приписках лишней площади против фактически обработанной земли, воровстве, вредительстве и порче государственного имущества (Спецпоселки в Коми... 1997). Очевидные факты намеренного сопротивления системе проявились при раскорчевке земли: на нее были затрачены колоссальные средства, но земля в последующие годы оказалась непригодной

---

* В 1931 г. насчитывалось около 40 тыс. спецпереселенцев, из которых трудоспособных было меньше половины. В 1939 г. насчитывалось 18 тыс., соотношение трудоспособных и нетрудоспособных сохранилось (Игнатова 2009: 35).

** Побегии ссыльных и переселенцев составляли до 72 % от их общего числа (Ивницкий 1996: 240).

для использования без вторичной раскорчевки. Официально выявленные факты «вредительства», т. е. намеренного подрыва экономики, с нашей точки зрения, в определенной мере были выгодны самим работникам ОГПУ. Они имели возможность списать на них свои организационные ошибки, оправдывая, подерживая и увеличивая масштабы репрессий выдуманными обвинениями и сфальсифицированными делами.

Не в полной мере оправдались ожидания по поводу самообеспечения спецпереселенцев и ссыльных, т. к. выбранные для высылки местности не всегда были пригодны для возделывания сельскохозяйственных пашен и ведения животноводства. При отсутствии возможности ведения правильного севооборота, без кормовой базы и выгонов для скота разведение животноводства становилось невозможным. Посевные площади в 1932 г. составляли 1060,7 га, в 1935 г. они увеличились практически втрое, до 3075 га, но доля в общем количестве колхозов не превысила 6 % (История Коми 2011: 375) и так и не решила продовольственной проблемы поселков.

Принудительный труд характеризовался исключительно слабой организацией труда заключенных, спецпереселенцев и ссыльных, недостаточным снабжением орудиями производства, плохо налаженной выдачей спецодежды. При готовности людей к труду далеко не все могли выйти на работу из-за отсутствия обуви, теплой одежды, а также по причине болезней. Среди заключенных царил беспредел уголовников. До 1939–1940-х гг. на лесоповале работали исключительно политические осужденные и осужденные по «бытовым» статьям. Несмотря на недостаток квалифицированных кадров, в хозяйственных организациях не предусматривалось повышение квалификации, а подневольный труд сопровождался низкой заработной платой*, которая выплачивалась нерегулярно, задержки выплат затягивались до одного года и более. При высокой смертности труд тысяч подневольных работников становился бесплатным. Иными словами, в этот период для данной категории работников наблюдается полное отсутствие условий и стимулов к труду**. Качество жизни было таким, что не работала даже система наказаний. Подневольные труженики не верили советской власти, абсолютно не были заинтересованы в благоустройстве поселков и в развитии сельского хозяйства, даже для собственного потребления. Они предпочитали или бежать, или умереть от голода. Вследствие этого некоторые выстроенные поселки предлагалось ликвидировать, не дожидаясь возврата вложений в их строительство, что еще более увеличивало материальные затраты для расселения людей***.

---

* Кроме того, из нее отчислялось до 25 % в распоряжение ОГПУ.

** 7 июня 1932 г. ГУЛАГ ОГПУ СССР разослал циркуляр «О мерах по развертыванию ударничества среди переселенцев». Однако основное содержание документа заключалось в четком указании — не путать ударников-вольнонаемных с ударниками-спецпереселенцами, не предоставлять последним льгот и премий, положенных стопроцентным советским людям (Покаяние... 2000: 73). Для спецпереселенцев система зачетов за ударный труд сокращала срок пребывания в лагере.

*** Так, после двух лет своего существования, в 1940 г. был закрыт Локчимлаг. Убытки составили 55 млн. руб. (Морозов 1997: 156).

Наряду с известными хищениями, жесткой экономией на питании и одежде для заключенных (Морозов 1997: 31), необоснованными оказались затраты на строительство железнодорожной ветки Пинюг-Сыктывкар, осуществляемое силами заключенных в конце второй пятилетки, впоследствии законсервированное и уже никогда вновь не возобновляемое. Однако следует отметить, что доля затрат в этот проект составила свыше трети всех капиталовложений того времени, при том что строительные работы на железной дороге велись «на глазок», без должного проектного обеспечения, с нарушением строительных норм и с многочисленными производственными ошибками и недоделками (Покаяние 2000: 360).

Одним из преимуществ принудительного переселения репрессированных (раскулаченных) крестьян считалась их сравнительно высокая адаптивная способность к любым разновидностям физического труда. Однако низкая организация труда, отсутствие стимулов в работе и неприемлемые условия жизни вели к бессмысленным и ничем не оправданным жертвам. В результате масштабы привлеченных трудовых ресурсов не соотносятся с объемами производства. Принудительный труд остается низкоквалифицированным, малопроизводительным и сдерживающим реализацию планов.

Ослабление режима принуждения через поиск компромиссов (мер стимулирования)

Следует отметить, что советская власть предпринимала попытки устранения собственных ошибок. Так, в результате осознания ошибок массового переселения людей насильственными методами в 1930-е гг., допускались некоторые типичные случаи освобождения людей из ссылки. Освобождались «неправильно высланные», передавались на иждивение родственников дети и старики, оставшиеся без кормильцев. Но механизм возвращения статуса «свободных людей» и передачи иждивенцев родственникам также не был проработан. В соответствии с постановлением Президиума ЦИК СССР от 17.03.1933 г., были восстановлены в избирательных правах дети кулаков. В 1935 г. были восстановлены в избирательных правах и взрослые. В соответствии с Конституцией 1936 г., они были объявлены полноправными гражданами, но разрешения вернуться на родину так и не получили. Согласно соответствующим постановлениям, директивам, распоряжениям и разъяснениям НКВД СССР, в 1936 г. были распространены законодательство о труде, социальном страховании, об обеспечении пособиями по временной нетрудоспособности, на рождение детей, погребение, пенсиями по инвалидности. В 1939 г. на всех переселенцев, работающих в хозяйственных организациях, администрация обязана была завести трудовые книжки на общих основаниях.

Весной 1930 г. произошло ослабление режима, введена пятидневная рабочая неделя. Однако, как отмечают историки, это привело лишь к тому, что заключенные, в частности севлаговцы, целыми группами толпились в пивных, пили водку и перебранивались с местными — коми. Уголовники массово крали со складов топоры, пилы, гвозди. Участились побегі. В результате лагерная оттепель быстро закончилась, режим резко ужесточился, ухудшилось питание (Морозов 1997). Следует отметить также существенные различия в положении

политзаключенных. Одни испытывали двойное насилие, со стороны советской системы и уголовников, другие — в основном специалисты, которых лагерное начальство использовало по специальности, — пользовались разрешением на бесконвойное передвижение внутри зоны и за ее пределами, проживали в частных домах местных жителей, а наличие у них образования способствовало продвижению по служебной лестнице.

В 1940-м г. был принят ряд директив относительно улучшения положения спецпереселенцев и ссыльных, за исключением советских немцев, которых продолжали содержать в более жестких условиях по сравнению с остальными. В 1940 г. возрастают расходы на здравоохранение (если в 1938 г. было израсходовано 13,2 млн. руб., то в 1940 г. — 16,7), увеличилась сеть больничных учреждений и фельдшерских пунктов. Снизилась заболеваемость. Улучшилось положение с жильем, но завоз новой большой группы спецпереселенцев — польских граждан* — в 1940 г. вновь обострил жилищный вопрос. В то же время усилилась тенденция к подтягиванию низкооплачиваемых рабочих и служащих к уровню среднеоплачиваемых.

Попытки устранения грубых просчетов, совершенных в результате репрессий, также свидетельствуют об отсутствии продуманного и подготовленного плана освоения Севера. Но никакие предпринятые послабления и даже введенные впоследствии льготы оказались не способными загладить вину советского государства за масштабные репрессии граждан своей страны. Принудительная миграция через массовые репрессии легла в основу критики социалистической системы как тоталитарного режима, лишавшего людей возможности любых проявлений свободы и личного выбора.

Начало Великой Отечественной войны способствовало мобилизации моральных и физических сил советских людей, к проявлению солидарности различных социальных групп и оправданию необходимости принудительного труда. Иными словами, не столько предпринятые репрессии имели значение в формировании лояльности к советской власти, сколько Великая Отечественная война. В данный исторический период не требовались какие-то дополнительные меры поощрения или принуждения для подчинения личных интересов общине. В то же время принудительный труд подневольных людей сохранялся. Историки фиксируют ужесточение условий жизни заключенных: установление 10-12 часового рабочего дня, отмену выходных, повышение трудовой нормы и снижение довольствия (Турубанов 1995). Однако следует отметить, что в период Великой Отечественной войны в режим особых условий жизни и труда было переведено практически все население страны.

Основным способом привлечения рабочей силы на производство стала мобилизация всего трудоспособного населения Коми, но ввиду малочисленности

---

* 5 апреля 1944 г. СНК СССР принял постановление № 359-105с «о переселении бывших польских граждан из Коми АССР в южные районы СССР». В мае — июне 1944 г. в Краснодарский и Ставропольский края, Курскую, Воронежскую и Ростовскую области РСФСР, Херсонскую, Черниговскую и Сумскую области УССР были депортированы около 9000 польских граждан. После окончания войны они получили возможность вернуться на родину.

городского населения она проводилась преимущественно за счет сельского населения. Не менее важным источником пополнения рабочей силы промышленных предприятий стало эвакуированное население из Карело-Финской ССР, Ленинградской и некоторых других областей. Большое значение для решения кадровой проблемы в тот период имело направление на постоянную работу квалифицированных горняков из Донбасса и Подмосковья, специалистов сажевого производства из Майкопа, железнодорожников из Украины и Белоруссии. На постоянную работу в Воркуту было отправлено по путевкам более 100 опытных шахтеров, техников, инженеров из Донбасса, Кузбасса, Караганды (История Коми 2011: 432). Опытные работники наряду с местными кадрами вошли в состав многих новых производственных коллективов промышленности и транспорта. Огромную роль в пополнении промышленности кадрами квалифицированных рабочих сыграла система школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ. Развивалось рационализаторство, шел поиск дополнительных мощностей, совершенствовалась технология производства, повсеместно ужесточался режим экономии, изобретались новые инструменты, вводилась в строй новая техника. На учет были взяты все имеющиеся запасы металла, строительных материалов, установлены ограниченные нормы расхода топлива. В то же время были увеличены финансовые и материальные вложения в развитие экономики, в результате чего материально-техническая база многих отраслей индустрии окрепла. Энтузиазм людей и карательные меры наказаний государственной власти сплелись в данный исторический период, обусловив экономический рост.

К концу войны возможности мобилизации рабочей силы за счет сел республики были исчерпаны. Как и прежде, выход из создавшейся ситуации власти видели в срочном завозе работников из-за ее пределов. С 1944 г. в Коми начали поступать новые большие партии осужденных и репатриированных из западных республик Союза ССР, а также немцев-репатриантов и «власовцев» (бывшие советские военнопленные-коллаборационисты, направленные на спецпоселение и в ссылку). К началу 1945 г. на территории республики оставалось более 130 тыс. заключенных и более 32 тыс. спецпереселенцев и ссыльных. Несмотря на продолжающиеся репрессии и использование дешевой рабочей силы заключенных, спецпереселенцев и ссыльных в период войны и еще продолжительное время после ее окончания, мы считаем, что это время стало переломным в осознании ограничений использования труда подневольных работников, состоявших преимущественно из низкоквалифицированных рабочих в промышленности и крестьян на лесозаготовках. Кроме того, постепенно возрастает потребность в квалифицированных специалистах для нефтегазовой отрасли и добычи каменного угля, что также определяет необходимость формирования системы стимулирования труда на Севере для привлечения сюда новых кадров. Именно в этот период уделяется особое внимание вопросам оргнабора, закреплению и обучению кадров на предприятиях и организациях республики, прежде всего, из числа тех, кто освобожден из лагерей Коми ГУЛАГа. По имеющимся сведениям, в 1951 г. в лесную промышленность по оргнабору прибыло 9000 чел., за 1954–1955 гг. — еще 22379 чел. Пик оргнабора наблюдается 1956–1958 гг. Всего за данный период

в республику по оргнабору приехало 125000 чел., более половины поступили на предприятия угольной промышленности, примерно треть — в лесозаготовительную отрасль, оставшаяся часть — в остальные отрасли хозяйства (История Коми, 2011: 497). Приведенная выше статистика (табл. 1) показывает, что к 1956 г. происходит постепенное свертывание работы репрессивного аппарата и уменьшение значения ГУЛАГа.

Недооцененный вклад коми крестьян в развитие территории

В наиболее сложный этап ускоренной индустриализации (1930-е гг.) коренные жители оставались большинством в общей численности населения республики, но их вклад в развитие территории в эти трудные времена остается малоизученным и недооцененным. Отчасти это объясняется общей концепцией форсированной индустриализации страны в советский период и теми объемами капиталовложений, которые были направлены государством из союзного и республиканского (РСФСР) бюджетов для развития территории. В 1930-х гг. до 95 % денег осваивались трудом заключенных и спецпереселенцев системы ГУЛАГа НКВД СССР. Лагеря обладали большими возможностями и ресурсами, чем государственные предприятия целых районов (История Коми 2011: 382). Однако это не умаляет значимости труда коренных жителей республики. Мы согласны с точкой зрения исследователей, утверждающих, что именно ресурсы деревни позволили в сталинский период провести индустриализацию — всеобщую модернизацию российской промышленности (Милохин, Сметанин 2005). «Формально государство не несло никакой ответственности за положение колхозников, перекладывая все бремя на них самих, внешне следуя перевернутой логике: если доход крестьянина оказывался слишком мал, это означает одно — он плохо работает и все претензии должен предъявлять себе» (Милохин, Сметанин 2005: 90). В аграрной на тот момент республике крестьяне «работали очень плохо», даже если трудовни росли, а денежное содержание сокращалось и зачастую не выплачивалось (Якоб 2012: 31). Уровень жизни был крайне низким. В большинстве колхозов из-за недостатка хлеба крестьяне, так же, как спецпереселенцы и ссыльные, питались различными суррогатами, пришивая в муку мякину, солому, жмыхи. В деревенских магазинах отсутствовали товары первой необходимости. Крестьянам выделялось государством в 5,2 раза меньше товаров, чем городским рабочим (Игнатова 2009: 152; История Коми 2011: 381). Колхозники были заинтересованы в выезде из деревни, но паспортная система* препятствовала свободному передвижению по своему краю. Советской власти была выгодна двойная занятость, принуждавшая коми

---

* Постановлением ЦИК и СНК СССР в 1932 г. в стране была введена паспортная система для жителей городов, рабочих поселков, совхозов и новостроек. Колхозникам паспорта не выдавали, что обусловило их прикрепленность к месту жительства и к своему колхозу. В 1974 г. было утверждено «Положение о паспортной системе в СССР» Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. за № 677, благодаря которому поэтапно паспорта стали выдавать всем гражданам Союза с 16-летнего возраста, впервые включая и жителей села, колхозников. Однако полная паспортная система началась лишь 1 января 1976 г. и закончилась 31 декабря 1981 г.

крестьян, несмотря на притеснения со стороны представителей системы ГУЛАГа НКВД СССР, которые нередко злоупотребляли своими полномочиями и создавали жителям колхозов серьезные проблемы (История Коми 2011: 382), одновременно поднимать сельское хозяйство и решать продовольственные проблемы личных домохозяйств и занятых в промышленности, а также участвовать в индустриализации страны.

Труд коми крестьян получил наибольшее распространение в сельском хозяйстве и в заготовке древесины, развитии лесопиления и металлообработки. По переписи 1939 г., среди лиц, занятых в промышленном производстве, коми было 59 % (с учетом сезонных работников), в строительстве — 34,1 %, на транспорте — 63,7 % (История Коми 2011: 390). Иными словами, коми крестьяне участвовали в лесозаготовках и кроме того несли бремя сельхозналога, увеличенного в 1930 г. с 23,1 тыс. руб. до 772,9 тыс. руб., а то и до 1201 тыс. руб. (т. е. примерно от 33,5 до 52 раз). Оставаясь колхозниками, они не имели льгот, введенных советской властью в 1921 г. для рабочих.

Ограничения в передвижении по республике, низкий уровень образования, отсутствие квалификации, востребованной для развития нефтедобывающей промышленности и добычи каменного угля, ограничили доступ местных жителей к рабочим местам этих отраслей. Формирующая система стимулов поощряла приток трудовых ресурсов извне и распространялась не на всех жителей Севера, а лишь на работников ведущих отраслей. Даже лесозаготовительная отрасль, которая при минимальных финансовых затратах в 1930-х — 1950-х гг. стала «главным валютным цехом» и, по существу, обеспечила проведение геологоразведывательных работ в республике, постепенно отошла на второй план, и основная роль в развитии территории отводилась нефтегазовой отрасли и добыче каменного угля. Впоследствии занятые в этих приоритетных отраслях получили широкий спектр социальных льгот и благ, высокий социальный статус и более комфортные, по сравнению с другими категориями работников, условия проживания. Безусловно, трудящиеся лесозаготовительной отрасли также имели определенные преимущества, но их объем был гораздо меньшим. Уровень и качество жизни сельских жителей всегда оставались низкими. Им всегда будет вменяться принцип личной ответственности за обеспечение семьи. Иными словами, политика принудительной миграции освоения Севера не только не предполагала согласования интересов различных групп населения осваиваемых территорий, но и проигнорировала интересы коренных жителей, усилия которых компенсировались по остаточному принципу, им досталось меньше благ, несмотря на их значимый вклад в развитие территории. Процессы исключения, а точнее, исключяющей интеграции в общий порядок, продолжаются и сегодня, только уже в условиях распространения рыночной экономики. Смогут ли сегодня различные социальные группы сформировать общий интерес и защитить свои права?

Выводы

Таким образом, государственный механизм регулирования экономики страны сопровождался параллельной реализацией политических и идеологических интересов формирования лояльности населения к советской власти через

систему наказаний. Но, несмотря на экономические достижения, его эффективность, в особенности в начале 30-х гг. прошлого столетия, весьма сомнительна. Для реализации экономических задач не существовало отбора работников по критериям профессиональной квалификации, возраста, состояния здоровья. Несмотря на высокие потребности в рабочей силе для освоения Севера, детальной разработки данного проекта не было, оно осуществлялось методом проб и ошибок. Неразумность политики репрессий выразилась в ее принудительном характере, неприемлемых жизненных условиях подневольных людей, а также в ее масштабах, не оправдывающих реализации важных экономических задач развития страны. Необходимости привлечения такого количества рабочей силы для колонизации и освоения Севера через репрессии, даже учитывая сжатые сроки, политическую нестабильность и экономический кризис, не было. Принесение в жертву многих тысяч людей оказалось напрасным. Массовое использование дешевого труда посредством репрессий и принудительной миграции привело советское государство в ловушку экстенсивной организации производства, когда неэффективное использование труда рабочих каждый раз приводило к очередному запросу на рабочую силу в обмен на реализацию государственных планов. С точки зрения авторов, именно в этот период закладываются основания переговорного характера отношений «Центр» и «Регион», формирующие «производственную анархию» на местах (Социальные режимы 2008).

Безусловно, использование труда подневольных людей определило экономическое развитие республики. Однако общая оценка развития территории неоднозначна. С одной стороны, республика стала идеальным регионом для поставки необходимых природных ресурсов для экономики страны, с другой, — ее сырьевым придатком. Современный российский рынок усилил потребительский способ освоения природных и использования трудовых ресурсов Севера, что привело к деформации социальных отношений сообщества и формированию таких практик взаимодействия, которые способствуют процессам эксплуатации (Лыткина 2014б). Существующие практики взаимодействия не способствуют развитию новых форм солидарности (Лыткина 2014а) и, как следствие, формированию общего интереса всех жителей республики.

Наконец, принудительная миграция стала той «пилой», которой система «спилила сук, на котором сидело советское государство». Именно массовые сталинские репрессии легли в основу принятой сегодня расширительной критики всего советского государства (строя) как тоталитарного, формирования имиджа России как агрессивной страны. В свою очередь, Республика Коми как субъект российского государства не получила возможности сформулировать свой собственный интерес в развитии территории. Она должна быть признательна своим развитием «пришлому» населению, несмотря на вызванную этим утрату культурной самодостаточности, разрушение традиционного образа жизни и отсутствие права распоряжаться природными ресурсами, находящимися на ее территории. Несмотря на то, что колонизация проводилась болезненно как для принудительных мигрантов, так и для местных жителей, последние выпадают из поля признания за развитие своей территории.

Литература и источники

Бердинских В.А. *Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России*. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Бугай Н.Ф. *Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX-XXI в.)*. М.: Гриф и Ко, 2012.

Витке Н.А. Организация управления и индустриальное развитие (Очерки по социологии научной организации труда и управления), *Антология социально-экономической мысли в России. 1920-1930-е гг. XX в.*, под общ. ред. А.И. Кравченко. М.: Academia, 2001: 97–162.

Дунаевский Ф.Р. Комплексность в организации, *Антология социально-экономической мысли в России. 1920–1930-е гг. XX в.*, под общ. ред. А.И. Кравченко. М.: Academia. 2001: 163–224.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД-МВД СССР), *Социологические исследования*, 1990, 11: 3–17.

Ивницкий Н.А. *Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)*. М.: Магистр, 1996.

Игнатова Н.М. *Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930-1950-е гг.* Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории, 2009.

Идущие вперед. Геологическая служба Республики Коми: история и современность. М-во природ. ресурсов и охраны окр. среды Респ. Коми и др.; авт. кол.: Боровинских А.П., Герасимов Н.Н., Маков В.М. и др. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2014.

История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011.

Кириллов В.М. *История репрессий и правозащитное движение в России*. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 1999.

Коротаяев В.И. Проблемы колонизации и спецколонизации Русского Севера / Северного Края и опыт их решения во второй половине XIX и первой трети XX века, *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*, 2012, 1: 26–35.

Коротаяев В.И. *На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном Крае в 30-е годы XX века*. Архангельск: Поморский университет, 2004.

Красильников С.А. *Серп и молот: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы*. М.: РОССПЭН, 2003.

Лыткина Т.С. Социальное самочувствие и поведение сельских жителей Севера и Юга России (на примере Республик Дагестан и Коми), *Россия и современный мир*, 2008, 2(59): 181–189.

Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2014а, 17(3): 33–47.

Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию, *Известия Коми научного центра УрО РАН*, 2014б, 3: 144–151.

Максимова Л.А. Условия жизни спецпереселенцев-поляков в Коми АССР в 1940-е годы, *Польская ссылка в России XIX-XX вв.: Региональные центры*. Казань: Казанский государственный университет, 1998.

Мацук М.А. Политическая ссылка на Европейском Севере в XVII в., *Вестник культуры Республики Коми АССР*, 1990, 1: 43–47.

Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. *Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории, 2013.

Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление...

Милохин Д.В., Сметанин А.Ф. *Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958: соц.-экон. аспекты развития*, отв. ред. А.А. Попов. М.: Наука, 2005.

Морозов Н.А. *ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956*. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997.

Покаяние: Мартиролог. Т. 3., сост. Рогачев М.Б. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000.

Полян П.М. *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*. М.: О.Г.И. Мемориал, 2001.

Ресурсы недр, *Инвестиционный портал Республики Коми*. [http://invest.rkomi.ru/ru/page/o_respublike_komi.resursy_nedr/] (дата обращения: 29.06.2015).

Рогачев М. Поляки в Коми АССР в 1930–1950-е гг., *Вестник культуры Коми АССР*, 1990, 1: 45–46.

Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. *Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи)*. Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001.

Социальные режимы постсоветского производства, под ред. С. Ярошенко. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2008.

Спецпоселки в Коми области (по материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г.): сборник документов, сост. Добронезенко Г.Ф., Шабалова Л.С. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997.

Суслов А.Б. Системный элемент советского общества конца 20-х — начала 50-х годов: спецконтингент, *Вопросы истории*, 2004, 3: 125–134.

Турубанов А.Н. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), *Вторая мировая война, Великая Отечественная война советского народа — по архивным документам*. М.: Знание, 1995: 43–45.

Упадышев Н.В. *ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад (1929–1960 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук*. Архангельск, 2009.

Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России: фактор и условие экономического освоения Арктики, *Экономика региона*, 2014, 4: 69–81.

Фицпатрик Ш. *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*. М.: РОССПЭН, 2001.

Шабалова Л.С. Жить чтобы выжить, *Родники Пармы*. Вып. 2. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1990.

Якоб В.В. *Крестьянство Коми АО в период НЭПа, индустриализации, коллективизации (1920–1930-е гг.)*. Екатеринбург: РИО УрО, 2012.